

ЕЩЕ РАЗ О КОНТАМИНАЦИОННОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ONCE AGAIN ABOUT THE DERIVATIONAL CONTAMINATION IN RUSSIAN

ЕЛЕНА ХАБИБУЛЛИНА

ABSTRACT. The article considers features of contaminational word formation in modern Russian. Special attention is given to its punning version in correspondence with word formation stylistics and sociolinguistics.

Елена Хабибуллина, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань – Россия.

Контаминационное словообразование – способ, достаточно ярко отражающий тенденции современного русского языка, в частности, тенденцию к „компрессии сообщения”¹. Появившись в литературных текстах XIX века с целью стилизации, как подражание „народной” этимологии, контаминационное словообразование получило широкое распространение в XX веке. Развитие этого способа шло в двух направлениях: по сходству со способом аббревиации и под влиянием тенденции к усилению экспрессивности в современном языке.

Дериваты, созданные по способу аббревиации, пополняют, как правило, сферу общелитературных слов. Контаминанты, имеющие сходство с аббревиатурами, также входят в эту сферу. Надо отметить, что сходство это настолько велико, что исследователи, в частности Е.А. Земская, считают этот вид словообразования подвидом аббревиации². Однако при аббревиации новое слово создается на базе словосочетания, члены которого соединены подчинительной связью (*МГУ, хозрасчет, комсомол*), те дериваты, которые мы рассматриваем как результат контаминации слов, образованы на базе сочетаний с сочинительной связью (*биология и электроника – бионика, белуга и стерлядь*

---

¹ Г.А. Николов, „Сознательное отношение к языку” и словообразование. В: *Исследования по русскому языку*, под ред. Е. Калишана, Poznań 1999, с. 91.

² Е.А. Земская, *Современный русский язык. Словообразование*, Москва 2005, с. 287–288.

– *бестер*). Словообразовательная активность способа аббревиации определяет его преимущественное положение в номинации явлений науки и техники по сравнению с контаминацией, соответственно количество контаминантов, называющих научные и технические реалии и относящихся к сфере общелитературного языка, достаточно невелико.

Гораздо продуктивнее развивается второе направление контаминационного словообразования. Именно о нем В. Виноградова говорит: „...сугубо окказиональным, «игровым», рассчитанным на эффект остранения является образование по способу контаминации”³. Примеры контаминационных дериватов, созданных не столько для номинации, сколько для выражения экспрессии, мы можем встретить в разговорном языке, в жаргонах и аргю. Подобные слова могут быть созданы как окказионально-авторские образования в публицистических и художественных текстах, причем в литературном языке они не закрепляются.

Явление контаминационного словообразования исследователи обнаруживают также в детской речи. Здесь контаминация основ происходит неосознанно, в некоторых словах отражается характерное для ложной этимологии стремление объяснить, освоить новое явление через уже известное. Соответственно, некоторые возникающие в речи ребенка слова занимают промежуточное положение между контаминацией и ложной этимологией. Например, трудно усомниться в контаминационной природе слова *бадеда*, обозначающего одновременно *бабушку* и *деда*, как нечто неразделимое, имеющее ряд общих черт (старость, любовное отношение к ребенку, одно место проживания), являющееся в детском сознании вместе. Слово *сунка* (сумка) возникло уже как результат установления этимологических связей с глаголом *сунуть*, так как для ребенка любой предмет желательно связать с каким-либо действием и таким образом объяснить его назначение. Дериват *наука* представляет собой промежуточное образование: в нем явно выделяются две производящие основы *наук* и *таракан*, при этом возникновение данного образования отражает включение в мир ребенка нового слова вместе с новым явлением; неизвестное ребенок пытается объяснить через известное и переносит уже освоенные признаки одного насекомого (ползать, оказывать пугающее воздействие) на новый объект. Сложно говорить о степени продуктивности контаминационного словообразования в детской речи, так как здесь это явление носит сугубо индивидуальный характер. Однако само существование этого способа в детской речи может свидетельствовать о его потенциальной продуктивности в русском языке, а также заставляет еще раз задуматься о природе контаминационного словообразования. Анализируя слова типа *параланг*, *монед*, Е.А. Земская говорит о воздействии западноевропейских языков на дан-

---

³ В.Н. Виноградова, *Стилистика русского словообразования*, Франкфурт 1992, с. 318.

ный вид словообразования⁴. Приведенные примеры не отличаются по словообразовательной схеме от дериватов типа *бадеда*, *паукан*: в основе здесь также сочетание слов с сочинительной связью, в производном сочетаются начало первого и конец второго слова, но относительно детской речи вряд ли можно говорить о каком-либо влиянии других языков.

Особенностью современного состояния контаминационной деривации является разнообразие способов соединения производящих основ в новом слове. Исследователи указывают на несколько возможных схем контаминации основ:

1. а) $A(ab)+B(cd)=C(ac)$ – *бестер*; б) $A(ab)+B(cd)=C(ad)$ – *монед*;
2. „междусловное наложение” (термин Е.А. Земской);
3. слово или его часть вклинивается в середину другого слова.

Мы считаем, что варианты, представленные в первом пункте, – это и есть основные схемы контаминационной деривации в современном русском языке. Причем схема с результатом $C(ad)$ реализуется в языке гораздо чаще, чем схема с результатом $C(ac)$. Это подтверждают, в частности, данные словаря БСЖ⁵ и *Толкового словаря русского языка конца XX века*⁶: нами было выявлено более 90 дериватов, в которых производящие основы сочетались именно таким образом (*зря + зарплата – зряплата*; *нельзя + хозяин – нельзяин*). В приведенных примерах достаточно легко определяется сочетание анафорического элемента одной и финального элемента другой производящей основы. Однако есть и более сложные случаи соединения основ. Например, слово *загармоничный* образовано путем контаминации слов *заграничный* и *гармоничный*. Вероятно, подобный пример может быть представлен как результат „вклинивания слова или его части в середину другого слова”, но мы видим здесь реализацию схемы с результатом $C(ad)$. Анафорический элемент основы А в деривате невелик по объему, но это не является препятствием для нашего утверждения, так как степень реализации производящей основы в новообразовании при контаминации может быть разной.

Трудности при определении словообразовательной схемы контаминационного деривата возникают чаще в случае каламбурного словообразования. Активизация участия носителей языка в языковых играх – примета современной эпохи. Обыгрывание сходства в звучании слов и словосочетаний является одним из наиболее частотных видов каламбура. Именно как каламбурное по преимуществу рассматривает контаминационное словообразование В.З. Санников⁷, „игровым” называет его в вышеприведенной цитате В.Н. Вино-

⁴ Е.А. Земская, указ. соч., с. 287.

⁵ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2000.

⁶ *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, под ред. Г.И. Скляревской, Санкт-Петербург 2002.

⁷ В.З. Санников, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва 2002, с. 492.

градова. Соответственно, можно сделать вывод, что количество слов с „усложненной” схемой соединения производящих основ достаточно велико. На наш взгляд, слова *moped*, *ерундит* (эрудит), *загармоничный* образованы одинаково, разница между ними заключается в наличии / отсутствии созвучия у производящих основ. Реализация собственно номинативной функции контаминационного деривата не предполагает созвучных элементов. Наличие их – обязательное условие каламбурного контаминационного словообразования, созвучны могут быть и анафорические, и финальные элементы (ПРЕССа + ПРОституция – *пресситуция* // косоглАЗый + АЗия – *косоглазия*). Следовательно, то, что выделяется в отдельные словообразовательные приемы и способы, такие как „междусловное наложение” и вставка одного слова в середину другого, на самом деле является реализацией одной и той же словообразовательной схемы, различие же связано с позицией созвучных элементов.

Все контаминационные дериваты, представленные в БСЖ и в *Толковом словаре русского языка конца XX века*, носят каламбурный характер. Но, несмотря на их „несерьезность”, можно выявить ряд основных закономерностей, в соответствии с которыми происходит образование подобных слов в современном русском языке.

Основная масса их образуется на базе сочетания двух производящих основ, это наблюдается не только в каламбурных, но и в узуальных случаях. Возможность участия большего количества основ не исключается, но на практике реализуется крайне редко. В процессе языковой игры могут создаваться дериваты, у которых две производящие основы – слова с нейтральной стилистической окраской, а третья имеет просторечную окраску: „*Лежо*” + „*Опель*” +...– *Пежопель* (название любой иномарки), *режиссер* + *оператор* – *режиспер*; *апофеоз* + *апогей* + *фиг* – *апофегей*. Сочетание звуков, образующееся на месте стыка нейтральных основ, имеет каламбурное созвучие с третьей основой. Все новообразование явно создается с расчетом на обнаружение слушателем данного созвучия и выявление этой просторечной производящей основы.

Наиболее частотны среди контаминантов слова, построенные так, что первая их часть – носитель оценочной информации, вторая часть – „базис”: *катастройка* (*катастрофа* + *перестройка*), *драконат* (*дракон*+*деканат*). Иногда образуются контаминанты с оценочной информацией во второй части: *филолух* (*филолог* + *олух*), *простудифилис* (*простуда* + *сифилис*). Тот факт, что контаминанты могут концентрировать экспрессивность и в первой, и во второй части, позволяет говорить о достаточной свободе выбора словообразующих основ и, соответственно, о широких возможностях контаминационного словообразования. Однако подобная свобода более характерна для отсубстантивного словообразования. Если же в словообразовательном процессе принимает участие глагол, оценочность четко выделяется в первой части: *обирализация* (*обирать* + *либерализация*), *прихватизация* (*прихватить* + *приватизация*), *опунья* (*опунеть* + *эпопея*). В результате среди контаминационных дериватов отсубстантивные образования наиболее продуктивны, гла-

гольно-именные производные появляются реже, причем наименее частотны образования по схеме „существительное + глагол”, так же редки субстантивно-адъективные производные: *кошмарный* + *матерный* – *кошматерный*.

Продуктивность контаминационного словообразования проявляется и в том, что по аналогии с дериватами типа *алконоид*, произведенными на базе двух слов (*алкоголик* + *гуманоид*), появляются сходные по звучанию новообразования, являющиеся уже результатом аффиксоидной деривации, напр., *ельциноид*, *крезоид*, *шизоид*, в которых вычленяется аффиксоидная морфема *-оид*. Иногда непросто бывает определить, каким именно способом образовано новое слово, например, является ли элемент *-олог* в словах *брехолог* (лектор), *бормотолог* (алкоголик, пьющий дешевое вино) частью какого-либо слова (*идеолог*, *политолог*), либо мы имеем дело с использованием прерывистой морфемы *-о-...лог*. Вероятно, здесь стоит все же говорить об аффиксоидном словообразовании, как и в более прозрачных примерах типа *бандократия*, *партократия*. Этот вывод мы делаем, основываясь на том, что нарочитое контаминационное словообразование выделяется среди других способов яркой выраженностью каламбурного начала, вследствие чего соединяющиеся основы должны иметь некое созвучие, а в приведенных выше примерах оно отсутствует.

Производящие основы могут объединяться с разной степенью реализации основы в новообразовании. Ряд дериватов представляет собой вариант, когда созвучные элементы находятся в начале каждого производящего слова, и в результате появляется новообразование, отличающееся от узуального одной буквой или звуком: *бабтист* (*бабник* + *баптист*) – бабник; *вещанство* (*вещь* + *мещанство*), *дуректор* (*дурак* + *директор*). Иногда объем созвучных элементов в контаминирующихся основах настолько значителен, что мы получаем слова типа *презервуар*, *дресторан* – здесь вторая основа реализуется полностью, без каких-либо графических и фонетических изменений. Таких случаев немного, чаще мы наблюдаем соединение основ, одинаковые слоговые элементы которых находятся в середине слова, за счет их наложения и создается каламбурность нового слова: *импортянка* (*импортный* + *портянка*), *инженегр* (*инженер* + *негр*), *стипенсия* (*стипендия* + *пенсия*) и т.д. В вышеперечисленных примерах достаточно явно „высвечиваются” и первое, и второе производящее слово, и сомнений в том, что перед нами результат контаминации, не возникает. Однако в словарях зафиксированы слова, созданные также путем контаминационного словообразования, но имеющие определенное сходство со словами, появившимися в результате „народной” этимологии (*кроволюция*). Здесь следует определить, появилось ли слово в результате стремления осмыслить непонятное заимствование, либо в результате желания более эмоционально выразиться, продемонстрировать свое отношение к называемому объекту.

Сходство каламбурного словообразования с деривацией, происходящей в рамках „народной” этимологии, мы наблюдаем, если в обоих случаях объектом воздействия становятся слова иноязычного происхождения. У боль-

шинства исследованных нами контаминантов хотя бы одно из производящих слов является заимствованным. Каламбурный эффект возникает при соединении иноязычного слова, имеющего в сознании носителя языка книжную стилистическую окраску, с разговорным или просторечным словом. Иногда в словообразовании участвуют только заимствованные слова, при этом одно из них обязательно должно быть хорошо освоено носителями языка; подобный пример представляет собой дериват *портвейнгеноссе (собутьльник)*, возникший в результате контаминации производящих основ *портвейн* (самое дешевое и популярное в определенный период спиртное) и *партайгеноссе*. Можно предположить, что это слово появилось после выхода на экраны пользовавшегося успехом и при этом достаточно идеологичного сериала *Семнадцать мгновений весны*, главным героем которого был советский разведчик, действовавший во время Второй мировой войны в тылу врага.

Сочетание книжного и разговорного, просторечного в анализируемых дериватах – это контаминация разрешенного и запрещенного. Активное использование иноязычных основ в каламбурном контаминационном словообразовании характерно для жаргонизированной разговорной речи, для молодежных жаргонов, таким образом, „нормативной внешней формой камуфлируется общенный экспрессив”⁸, реализуется отказ говорящего „от некоторых языковых и культурных стереотипов по корпоративным соображениям возраста, профессии, образа жизни или идеологии”⁹. Каламбур, в котором участвуют заимствования, всегда выглядит более броско, ярче проявляет свою игровую сущность. Таковы каламбуры в студенческой жаргонной лексике, в жаргонизированной разговорной речи образованных людей: *кобель + кабльеро – кобельеро* (любитель женщин), *дура + Дульцинея (Тобосская) – дурцинея* (глупая девушка). Каламбурные контаминанты в уголовной речи, построенные на соединении нейтрального (но не заимствованного) и жаргонного слов не так понятны широкому кругу носителей языка: *баклан (хулиган) + баклажан – баклажан* (бестолковый вор) (пример взят из *Словаря тысячелетнего русского аргю*, составленного М.А. Грачевым¹⁰).

Обращение к стилистическим пометам позволяет утверждать, что контаминационные образования, включающие заимствования, более популярны в молодежном жаргоне. Они используются для номинации реалий жизни молодого человека. Слова могут быть объединены в несколько основных групп. Это учебная сфера (*драконат, стипенсия*); сфера досуга (*кабактерий, гульбарий*); имена-названия лиц, например, сверстников, по какому-либо типическому явлению (*дурцинея, лохнезия, пейджераст*); наименования руководителей, органов руководства (*дуректор, драконат, д’эрекция*); представи-

⁸ В.В. Х и м и к, *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург 2000, с. 231.

⁹ Там же.

¹⁰ См. М.А. Г р а ч е в, *Словарь тысячелетнего русского аргю*, Москва 2003.

телей органов правопорядка (*ментавр, ментозавр, мусоримит*), болезней (*гриппер, простудифилис*). Молодежные каламбуры, несмотря на возможность использования и нецензурной лексики в них, по своей экспрессивной функции скорее выражают не столько неприятие окружающего мира, сколько ироничное отношение к нему.

Контаминация в жаргонизированной разговорной речи также имеет свою „специализацию”. Если она связана с выражением отношения к политическим явлениям, то дериваты имеют ярко выраженную отрицательную экспрессию (*демокрады, обирализация*). Контаминанты могут быть связаны с номинацией социальных пороков, в частности, пьянства (*политрук, тьянист*). Контаминационные каламбурные новообразования достаточно легко становятся популярными благодаря употреблению в газетных текстах, особенно если они относятся к сфере политической. Однако их существование в активном словоупотреблении может быть весьма недолгим вследствие смены политических обстоятельств, напр., *катастройка, чубаучер* и т.п. При этом регулярно появляются новые подобные дериваты, т.к. контаминационное словообразование в жаргонах и разговорной речи в силу своей каламбурной направленности и, соответственно, экспрессии сохраняет достаточно высокую продуктивность.

Анализ контаминационного образования в жаргонной речи убеждает нас в том, что развитие данного словообразовательного способа в современном русском языке связано преимущественно с явлением языковой игры. Объективные процессы в языке влияют на большую продуктивность дериватов, реализующих компрессивную и экспрессивную функции одновременно. Закреплению контаминационной деривации как одного из излюбленных средств каламбура способствует ее активное использование в публицистике, в том числе и в заголовках. Таким образом, направление, заданное еще писателем Н.С. Лесковым в его многочисленных словах-стилизациях, сохраняется в наши дни для контаминации как приоритетное.